

НАША СТРАНА

Год издания 67-й. Буэнос Айрес, 21 марта 2015

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 21 de marzo de 2015 No. 3009

Протоиакон Герман Иванов-Тринадцатый

ПАМЯТИ БЛАЖЕННЕЙШЕГО МИТРОПОЛИТА АНАСТАСИЯ

К 50-ЛЕТИЮ КОНЧИНЫ ВЕЛИЧАЙШЕГО АРХИЕРЕЯ

В этом году, 9/22 мая, исполняется пятидесятилетие кончины второго Предстоятеля Русской Православной Церкви Заграницей Церкви – Блаженнейшего Митрополита Анастасия (Грибановского). Хотелось бы, чтобы весь этот год был посвящён памяти этого величайшего Архиерея, увы, непонятно почему, немного сегодня забытого. Считаем своим долгом восполнить этот досадный «памятный пробел».

Никто, естественно, не может игнорировать имени и всесторонней вселенской деятельности на церковной ниве Основателя Русской Православной Церкви Заграницей – Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). Все, конечно, знают ныне прославленного со святыми Владыку Митрополита Филарета (Вознесенского), чьи нетленные мощи взывают к небу и одновременно обличают нынешних хранителей, быстро закопавших святыне мощи, дабы не мешали они их злодейскому тайному намерению слияния с нераскаянной советской патриархией и подчинения ей. У всех ещё жив в памяти последний Первоиерарх исторической Русской Православной Церкви Заграницей – Блаженнейший Митрополит Виталий /Устинов/, который вслед за святым Царём-Мучеником мог повторить горькие слова «Кругом измена, трусость и обман», и до конца дней своих не сдвигавший Зарубежных принципов и высоко державший знамя наших Белых принципов.

И, на самом деле, мало кто сегодня знает и вспоминает Блаженнейшего Митрополита Анастасия, дольше всех – 28 лет – стоявший во главе Зарубежной Церкви.

Ему выпало на долю пережить знамя Русской Православной Церкви Заграницей из рук уходящего в лучший мир Блаженнейшего Митрополита Антония, вероятно самой крупной православной личности в XX-веке, о котором другой современник великан истинного Православия праведный архимандрит Иустин (Попович) сказал, что по сравнению с ним он был муравьём, говорящим о парящем орле. Понятно, какая тяжесть и ответственность возлагались на преемника такого человека. Далеко не каждому дано было это выполнить, а тем не менее Владыка Анастасий до того показал себя на высоте положения и воплотил Зарубежную Церковь, что даже стало принято называть её «Анастасиевской Церковью».

Однако не случайно появилась в Русском Зарубежье такая незаурядная личность. Окончил он Московскую Духовную Академию, когда её ректором был именно будущий Митрополит Антоний.

В 1901 году он уже, в 28-летнем возрасте, преподаватель в Московской Духовной Семинарии и очень скоро назначается её

ректором. На праздник святых Петра и Павла в 1906 году, в Успенском соборе состоялась его хиротония и назначение викарием Московской Епархии с местопребыванием в Даниловском монастыре. В его Слове при наречении прозвучали прямо пророческие мысли: «Время гонений для служителей Церкви не миновало: пастыри Христовы всегда были как овцы среди волков, а теперь, быть может, наступают такие дни, когда мы снова увидим обиды, угрозы, разграбление и описание имений, храмы, обгаренные кровью».

С молодости он был истинным аскетом, в чём каждый может убедиться по доставшимся фотографиям святителя, но также был изрядным эстетом и придавал большое значение красоте богослужений. Не красоте ради красоты, а красоте, как выражение божественной истины, той самой красоте, которая поразила посланников равноапостольного Великого Князя Владимира и на веки вечные определила Россию в истинной вере. «Не знали – на небе или на земле были мы, ибо нет на земле красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем только, что пребывает там Бог с людьми».

В круг послушаний молодого Архиерея входило обслуживание в праздничные дни обоих московских кафедральных соборов, храма Христа Спасителя и кремлевского Успенского собора, благодаря чему он очень быстро стал известен и почитаем всею Москвой, как знатной так и культурной, купеческой и вообще всем верующим народом белокаменной столицы.

Как свидетельством его организационных способностей и духовного авторитета несмотря на относительную молодость, можно здесь отметить, что ему поручалось, от имени всей Русской Православной Церкви и даже всего Государства Российского, руководство таких крупных и престижных событий, как празднование 100-летия Великой Отечественной войны 1812 года, и даже празднование, год спустя, 300-летия Дома Романовых.

Владыка Митрополит Анастасий был одним из серьёзных кандидатов на патриарший престол, получив на одном из голосований 77 голосов, когда, как известно, Митрополит Антоний (Храповицкий) получил самое большое количество голосов от членов Всероссийского Собора.

После избрания жребием нового Патриарха Московского Тихона, Владыке Анастасию было поручено возглавить организацию торжеств интронизации и выработать чин наставления, что ещё раз говорит о его огромном всероссийском авторитете. Он был тут же на Соборе избран членом Святейшего Синода и Высшего Церковного Совета, в коем качестве, в частности, принимал прямое участие в редакции

послания об анафематствовании безбожной власти.

В годы Великой войны (то есть Первой Мировой) заслужил высокую награду, редко выдаваемую духовным лицам – орден Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского с мечами «за усердное служение Церкви и доблестную деятельность во время военных действий», как значилось в Высочайшем рескрипте.

Гражданскую войну провёл естественно на стороне Белых и в октябре 1920 года был назначен управляющим русскими приходами Константинопольского округа и в ноябре избран заместителем старшего по сану Архиерея Временного Высшего Церковного Управления (ВВЦУ) Митрополита Антония. В 1923 году, на пагубном т.н. «Всеправославном Конгрессе» созванном патриархом Мелетием (Метаксакисом), он энергично и с большим достоинством представлял Русскую Церковь, открыто выступая против недопустимых нововведений, которые настойчиво пытался проводить патриарх обновленец. Его энергичной защите каноников и освящённой веками традиции удалось успешно уберечь Православную Церковь от ряда патриарших бесчинств, извращающих дух Православия.

Увы, не удалось остановить частичное введение т.н. папистского григорианского календаря, что по сей день разделяет православных на ново- и старо-стильников.

Как можно было ожидать, такая решительная оппозиция патриарху Мелетию не могла остаться без последствий для мужественного исповедника и Владыке Анастасию пришлось покинуть пределы Константинопольской территории, тем более, что нечестивый патриарх Мелетий, грубо вторгаясь в дела чужой Церкви распорядился, чтобы в русских храмах, расположенных на подведомственной ему территории не поминалось бы имя Святейшего Патриарха Тихона в качестве главы Русской Церкви, но возносились бы имена его единомышленников раскольников обновленцев-живоцерковников.

В 1924 году Архиепископу Анастасию пришлось окончательно покинуть Константинополь, откуда он направился в Болгарию, где от имени Русской Церкви участвовал в освящении величественного Александро-Невского собора в столице, Софии.

По поручению Архиерейского Собора Зарубежной Церкви прибыл в конце 1924 года на новое место назначения на Святую Землю в качестве Наблюдающего за делами Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, где он пробыл до 1935 года. В свою бытность во Святом Граде он устроил усыпальницу в нашей Гефсиманской обители для упокоения мощей святых

Новомучениц княгини Елизаветы и инокини Варвары. С Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной его связывала дружба и взаимное глубокое уважение ещё со времён пребывания и служения в Москве.

В ноябре 1935 года он принимал живое участие в совещании под председательством Сербского Патриарха Варнавы с целью покончить с расколами в Русской Церкви Зараницей. Единение было достигнуто с Американской Митрополией и продержалось оно до 1946 года. С отколовшейся частью в Западной Европе договорённость была достигнута с Митрополитом Евлогием, но, вернувшись в Париж, митрополит поддавался давлению всё тех же определённых кругов и дезавуировал соглашение. Увы, воссоединение этих двух частей Церкви не произошло по сей день.

По случаю этого совещания, Патриарх Варнава наградил Владыку Анастасия белым клобуком.

В митрополичьем сане Владыка остался в Сремских Карловцах помогать в управлении Церковью тяжело больному Владыке Митрополиту Антонию, скончавшемуся несколько месяцев спустя, 28 июля/10 августа 1936 года. Через полтора месяца после кончины оплакиваемого и горячо любимого Основателя Зарубежной Церкви, 9/22 сентября состоялись выборы нового Первоиерарха.

В своём Окружном Послании к пастве Митрополит Анастасий первым делом отдал дань своему почившему предшественнику, подчеркнув какую невосполнимую потерю понесла вся Зарубежная Русь, как и вся Русская Церковь, и особо подчеркнул первостепенную важность церковного единства.

Не теряя времени, новый Первоиерарх реорганизовал Зарубежную Церковь на основании разработанного на Совещании 1935 года плана, разбив Церковь на 4 митрополичьих округа – Ближне-Восточный, Дальне-Восточный, Западно-Европейский и Северо-Американский. Не медля объявил о созыве в августе 1938 года Второго Всезарубежного Собора, который уже подготавливался при покойном Митрополите Антонии. Полные Деяния этого Собора, длившегося две недели насыщенных работ, были вскоре изданы в объёмистой книге в 745 страниц и стали ценнейшим документом по истории Русской Церкви в XX-ом веке.

И тут настала Вторая Мировая война, тяжелейшее время для всего Русского Зарубежья, поставленного между молотом и наковальней: немец – вечный враг России, а большевики – палачи России и русского народа ... Митрополит Анастасий проявил очень тонкую мудрость, избегая всех крайностей, олицетворяя своим поведением средний царский путь столь свойственный Зарубежной Церкви.

Советчики любили напоминать о благодарственном письме Митрополита, адресованном Гитлеру, подразумевая некий тайный сговор с нацистами и этот упрек время от времени ещё выдвигается в качестве антипода упреку в сергианстве, который им делается по праву. А что на самом деле? На самом деле никакой параллели проводить нельзя с предательским поведением МП. Когда в Советском Союзе храмы уничтожались, превращались в конюшни и отхожие места, то германское правительство разрешило и субсидировало постройку великолепного русского православного храма в самой столице Берлине, и к тому же оказала финансовую помощь в ремонте около двадцати наших храмов. Грешно ли было за это поблагодарить власти?! Кто нам объяснит – что тут есть преступного или позорного? А если добавить, что это имело место в июне 1938 года, то-есть значительно до начала военного катаклизма, когда все страны и государства, даже если были несогласны с идеологией германских властей, тем не менее с ними естественно общались и встречались, то все упреки, ехидные намёки и подражания о компромиссе или соучастии с нацистами исчезают, как дым, уносимый ветром.

Другой пример мудрости Митрополита Анастасия виден в том, что в 1941 году он, с одной стороны, благословил образование Русского Корпуса и вступление в него Белых эмигрантов для освобождения русского народа от большевицкого гнёта, но с другой стороны мужественно отклонил предложение немецких властей, желавших использовать его высокий авторитет, выступить с призывом к содействию Германии в её антибольшевицком походе, понимая, что преследуемые цели русскими и немцами были далеко не одинаковы. Митрополит подвергался обыску и разным травлям со стороны немцев, в частности была изъята большая часть синодального архива, которая по окончании войны очутилась в руках... советчиков - и там до сих пор пребывает.

Одостоинным и безупречным поведением Митрополита Анастасия во все эти тяжелейшие годы войны широко свидетельствовал Сербский Патриарх Гавриил, который, как известно, сам был узником нацистских концлагерей, в частности в Дахау.

После войны, и последовавших за ней распада и полной дезорганизации Церкви, Митрополит Анастасий проявил титанические усилия для восстановления Зарубежной Церкви и развенчания лжи о том, что будто Архиерейский Синод самоупразднил и что после военной победы в Советском Союзе Церковь обрела полную свободу. Под давлением обстановки многие тогда поверили этой гнусной дезинформации и пришлось приложить огромные усилия для возврата заблудившихся.

В 1956 году отмечалось редчайшее событие – 50-летие архиерейского служения Митрополита Анастасия. После такой богатой и духовно насыщенной жизни, о которой тут упомянуты всего лишь самые главные вехи, великий святитель мог бы сказать своё «ныне отпускаеши...», но чувство долга не позволяло ему уйти на отдых и почивать на лаврах. Остался он ещё восемь лет у кор-мила Церкви. Наконец, на 91-ом году жизни вышел на покой

27 мая 1964 и был заменён другой великой фигурой Зарубежной Церкви, святым Митрополитом Филаретом (Вознесенским).

Почти ровно год спустя, 22 мая 1965 года, почил последний оставшийся в живых член Священного Синода Российской Церкви и, как было о нём сказано, последний носитель бесспорно законной церковной власти.

Уходя в лучший мир, Блаженнейший Митрополит Анастасий оставил вскрытое после его кончины, Завещание, относящееся до сего дня к каждому, считающему себя членом Зарубежной Церкви: «Что касается Московской Патриархии и её иерархов /.../ то с ними Зарубежная Церковь, храня свою чистоту, не должна иметь никакого канонического, молитвенного и даже простого бытового общения, предоставляя в то же время каждого из них окончательному суду Собора будущей свободной Русской Церкви». Известно как часть бывших Зарубежников, вслед за митрополитом Лавром и архиепископом Марком, не только не последовали этому Завещанию, но надругались над ним, принеся покаяние от имени Зарубежной Церкви перед московским патриархом Алексеем Вторым...

Что после такого предательства могло остаться Зарубежного у таких людей? ... На какое Зарубежное преемство они после этого могут претендовать? ...

А что нас касается, то не должны мы гордиться своей принадлежностью к Зарубежной Церкви, а должны учиться и учиться, прибегая к её опыту, изучая её прошлое и во всём следовать её учению и ставить себе примером для подражания житие и наставления наших четырёх Первоиерархов. Все знают, что нет человека без греха и это относится прежде всего к нам. Но относится и к ним. Тем не менее, мы не боимся говорить о святости их учения, о святости оставленного нам ими совместно, и каждым из них, того духовного наследия, на котором мы должны незыблемо стоять.

Поэтому, на этом основании, ещё раз выдвигаем предложение прославить совместно всех четырёх Предстоятелей исторической Зарубежной Церкви, оставивших нам чёткую линию церковного поведения и идеологический ориентир в сегодняшнем падшем мире. Такое решение может, и должно, объединить большое количество пока ещё разрозненных Зарубежников и залечить недавно появившиеся раны в нашей Церкви.

Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ

ВОСКРЕШЕНИЕ ЗАБЫТЫХ ИМЁН, НЕИЗВЕСТНЫХ СУДЕБ

Какую радость Вы нам доставили, дорогой Николай Леонидович, своей статьей «Белый капитан ушедший от погони чекистов» («Наша Страна» № 3005). Вы просто себе не представляете! Спасибо, спасибо и еще раз спасибо!

Так всё хорошо изложили и проиллюстрировали и получилась такая трогательная история.

Я разослала копии статьи своим родственникам. Всем бесконечно приятно, тем более, что как-то история Серёжи Казанцева, старшего брата Вашего деда, не была известна младшему поколению, а старшего почти не осталось.

Для всех нас – это добрая память о моей бабушке Ольге Алексеевне Российской, её семье, Серёже Казанцеве, их друзьях и близких.

Когда-то, когда бабушка с дедушкой меня воспитывали, все их рассказы о жизни, событиях, переживаниях и страданиях казались мне обычными и общими для всего поколения. Теперь же вспоминаю нашу тогдашнюю жизнь и понимаю, что они были почти что ископаемыми в той советской действительности моего детства и юности.

Бабушка и дедушка были детьми генералов и выжили каким-то чудом. Приходилось переезжать, когда становилось понятным, что они в опасности, – друзья предупреждали. И Бог их спасал не один раз.

Бабушка в детстве училась в Институте благородных Девиц в Москве, куда после смерти её отца переехала семья и, само собой разумеется, меня окружали её институтские подруги. Увы, мужей у них уже не было. Помню, как ежегодно маленькая группа старушек, бедно одетых, но в шляпках и с благородной осанкой собиралась и шла к ораде их Института. Как они стояли, держась за прутья забора, и вспоминали, что находилось за окнами и кто из них где жил. Я всё больше кружилась между ними, вместо того, чтобы запоминать их разговоры, а как жаль теперь!

Сейчас страшно представить, что пришлось пережить этим хрупким бывшим воспитанницам, какие испытания, сколько страшных потерь...

Домой тоже приходили редкие, но замечательные друзья и велись чудесные разговоры за чаем. Теперь я понимаю, что даже их язык

был особенным. Я не отдавала себе в этом отчёта, но вот, можете себе представить, что однажды я услышала мелодию, интонацию и выговор своего дома в ресторанчике на окраине Женева. Я была заморожена и спросила тех людей, откуда они – а они оказались парижанами из русской белой эмиграции... Трудно вообразить, что даже тот русский язык почти исчез. Да, это всё грустное, но не главное, не правда ли?

Мои старички были на редкость бесстрашными.

Сохраняли документы и письма расстрелянного прадеда и сидящих родных. Бабушка печатала Солженицына, распространяла Самиздат. Хранила дома какие-то запрещённые тексты. После того как после Гражданской войны нашли бабушкину сестру в Париже, они никогда не прекращали с ней переписываться. Радостно принимали заезжих гостей из Франции. Выражали свою поддержку преследуемым. В те времена – это было мужественно. Но как-то сходило, Господь спасал, добрые люди вызволяли.

Мне до сих пор не верится, что у Серёжи Казанцева сохранились родственники. Это же настоящее чудо. Чудо и то, что мы с вами можем переписываться и вспоминать об ушедших.

Несколько лет назад в Казачьем Музее в Париже я увидела фотографию одного из бабушкиных дядей. Она считала его погибшим. В семье хранилась фотография его молодого с братьями и сёстрами, а в Париже я увидела фотографию седовласого человека, много пережившего... И хотя я не знаю, что стало с его сыном, были ли у него другие дети, но расцениваю это тоже, как чудо. Как жаль, что мои старички не узнали обо всём этом при жизни.

Простите, что отнимаю Ваше время изливаниями своей души. Мне, действительно, трогает душу, что Серёжа Казанцев не забыт, что Вашей статьей Вы возвращаете его к жизни. Спасибо Вам за воскрешение забытых имён, неизвестных судеб.

Я Вас по-сестрински обнимаю, благодарю и желаю только побед на всех поприщах и во всех ситуациях.

Будьте здоровы, благополучны и храни Вас Господь. Ваша,

Кира Рюшти-Николаева

ПРАХ ВЛАДИМИРА РУДИНСКОГО

Как я сообщал в № 2991 «НС», проживающий в Германии Антон Громов собирает средства для перезахоронения праха многолетнего сотрудника «Нашей Страны» Владимира Андреевича Рудинского (Даниила Фёдоровича Петрова) из временного склепа, где сейчас пребывают его останки, на кладбище Леснинской обители в Провемоне, во Франции.

В настоящее время собрано около 500 евро. Пожертвования поступили от: 1. Ирины Гриценко из Монреала - 100 долларов. 2. Серафимы Даместой из Нью-Йорка - 100 долларов. 3. Анастасии фон Нольде-Рутель из Калифорнии - 90 евро. 4. Николая Леонидовича Казанцева - 300 долларов. 5. Эльзы Регнер (Берлин) - 50 евро.

Мы просим откликнуться всех, кому дорога память Владимира Андреевича Рудинского, и пожертвовать необременительную для Вас сумму на счёт Антона Громова: Anton Gromov Postbank Konto 9242113 BLZ 10010010 IBAN DE71 1001 0010 0009 2421 13 BIC PBNKDEFF;

При переводах указывать: Spende; о переводах сообщать по адресу sza1919@mail.ru Или посылать заказными письмами, по адресу: Anton Gromov, Marie-Juchacz-Weg 2, 82380 Peissenberg, Germany

Дорогие друзья, если требуемая сумма не будет собрана до конца июня, прах Владимира Андреевича Рудинского будет извлечён из склепа и похоронен в общей безымянной могиле.

Роман Днепровский

Мария Кублицкая

60 ЛЕТ ШКОЛЕ ОРЮР В АРГЕНТИНЕ

После окончания Второй Мировой войны, в 1947-1949 годах, в Аргентину хлынул поток русских беженцев из Европы — как старых эмигрантов из Сербии, Польши, Чехословакии и других стран, так и бывших «подсоветских»; число их, по весьма приблизительным подсчетам, составляло до 10 тысяч человек.

Большинство не имело никакого имущества, не знало испанского языка, и первые годы жизни в чужой стране были весьма непросты. Тем не менее, в Буэнос-Айресе и его окрестностях сразу же закипела «русская жизнь» — при храмах Русской Православной Церкви Заграницей и общежитиях, открытых во временных помещениях; создавались политические, воинские, благотворительные, спортивные, молодежные организации.

Четвертого декабря 1948 года начала свою деятельность Организация Российских Юных Разведчиков в Аргентине, созданная имевшими опыт работы с русской молодежью в военной Европе скаутмастерами Г. Л. Лукиным, М. Н. Лукиной, И. Н. Шмитовым.

Как вспоминал в своей статье в газете «Наша Страна» (№ 1845, 1985 год) Георгий Львович Лукин, организация была бездомной и устраивала свои сборы на частных квартирах, в чужих клубных помещениях или в приходах — что, при огромных расстояниях в 5-миллионном городе, создавало массу проблем. Тем не менее, и дети, и их родители тянулись друг к другу, и вскоре вокруг ОРЮР образовался кружок энтузиастов, силами которых в мае 1949 года был поставлен монтаж «Трагедия России», с участием

детей от 13 лет и молодежи. Про организацию заговорили, первое общее дело окрылило, и с тех пор сборы, походы, лагеря ОРЮР привлекали всё больше участников.

Однако же, встречи «время от времени», в разных помещениях, не могли продолжаться вечно. Кроме того, в то время в Буэнос-Айресе не существовало ни одной русской школы (хотя бы субботней), где дети могли бы не только поддерживать русский язык, привитый дома родителями, но и изучать Закон Божий, получать знания по истории и географии России.

К счастью, в 1953 году одним из русских старожилов был пожертвован организации участок земли в пригороде Оливос, и на этом участке сразу же был заложен деревянный «Скаутский Барак». 27 марта 1955 года протоиерей Тимофей Соин отслужил молебен и провозгласил школе при ОРЮР многолетнее. Занятия начались 2-го апреля. На пожелтевшей газетной вырезке того времени (неизвестны ни название, ни номер газеты) можно прочесть, что русская субботняя школа при ОРЮР начала работу под руководством В. Г. Петровского (директор), М. П. Ракитина и Б. Р. Фульда. Закон Божий преподавал о. Тимофей Соин, русский язык и литературу Н. Н. Эйсымонт, историю и географию А. В. Криштановский.

За прошедшие годы сменились поколения преподавателей и учеников, а русская школа (с 1975 года была открыта и гимназия — для старших детей) в Оливосе продолжает свою работу. Бывшие ученики — приводят сюда своих детей или сами остаются

Лагерь ОРЮР "Сто лет русских разведчиц". Уругвай, январь 2015.

преподавать; участвуют в театральных постановках; по-прежнему считают эту школу — своим домом, которому нужно помогать по мере сил.

Так получилось, что по мере ухода в прошлое других русских организаций в Буэнос-Айресе, политических и культурно-просветительных, Организация Российских Юных Разведчиков (со школой и гимназией) осталась последним островком русской белой колонии и несет на себе тяжелую ношу: не только обучение и воспитание детей, но и, совместно с Церковью, устройство актов и мероприятий, объединяющих старшее поколение.

Прошедший 2014 год начался с лагеря под названием «Дремучий лес» в Уругвае в январе месяце; в нём отдыхали, учились и сдавали на разряды 20 детей.

Для сбора средств на школу и лагерь — на Масленице были устроены Блины для всей колонии. Собралось больше ста человек, многие из которых, из-за огромных расстояний и плохого здоровья, не встречались годами.

В Великом Посту все ученики школы говели, исповедовались и причащались в Лазареву Субботу в храме Св. Троицы. В Великую Пятницу было организовано дежурство скаутов у Плащаницы. В первую субботу после Пасхи — был устроен Пасхальный сбор, с конкурсом писанок, катанием яичи другими играми.

После уроков по субботам несколько месяцев шли театральные репетиции, и в июле состоялся спектакль «Барышня-крестьянка» по Пушкину, в обработке Е. К. Ларионовой и С. А. Вьюговой. В постановке участвовали ученики школы и гимназии, учителя и родители. Зрителей был полный зал!

При школе сформировалась танцевальная группа «Русь», где занятия по субботам ведет профессионал — Гектор Данков. Множество аплодисментов получили дети, оживившие спектакль «Барышня-крестьянка» русскими народными танцами.

В мае был отмечен день Святого Георгия — небесного покровителя юных разведчиков.

Двадцать седьмого сентября все ученики и преподаватели школы присутствовали в храме Святой Троицы на Выносе Креста.

В октябре тепло и весело был отмечен День Матери, который является в Аргентине национальным праздником.

Девятого ноября 2014 года Русской Православной Ассоциацией в Аргентине, Организацией Российских Юных Разведчиков в Южной Америке и редакцией газеты «Наша Страна»

был отмечен День Непримиримости. Был показан художественный монтаж, и это действительно нужно было видеть и слышать! Прекрасный текст, прекрасное пение, замечательные отрывки из документальных фильмов многих растрогали до слез...

Учебный год, конечно, не заключается лишь в многолюдных актах. Каждую субботу школу и гимназию ОРЮР посещают 25 детей; в прошедшем году была создана и группа для самых маленьких пяти детишек. Директором школы является С. А. Вьюгова. Уроки Закона Божия проводит протоиерей Александр Ивашевич. Дети изучают русский язык и литературу, историю России и историю русской культуры. Преподаватели: Е. К. Ларионова, В. А. Вьюгов, Н. Фомина, М. Лукина, В. Вьюгов, Р. Топильская, Е. Вьюгова, Е. Дубинина, В. Витали-Шурина. Уроки по новейшей истории России, начиная с царствования Императора Николая Второго ведет Н. Л. Казанцев. Скаутскими сборами и всей работой дружины ОРЮР «Град Китеж» руководит Марина Лукина.

В конце ноября было торжественно отмечено окончание учебного года. Выпускницы — София Ивашевич, София Туроверова и Елизавета Омельченко — получили Грамоты и произнесли весьма трогательные речи. Медаль *За Русскость* была вручена Софии Туроверовой. После торжественной части состоялся концерт. Выступила танцевальная группа «Русь», и в ознаменование 200-летия со дня рождения М.Ю. Лермонтова и 170-летия со дня кончины И.А. Крылова дети декламировали стихи и басни.

Расстались ненадолго: 8 января 2015 года 22 ученика школы снова встретились в лагере в Уругвае, которым в этом году руководил Павел Лукин; он носил название «100 лет российских разведчиц» и был приурочен к юбилею начала работы отрядов разведчиц в Российской Империи.

Что в планах на текущий год? Занятия начнутся 28-го марта. После Праздника Воскресения Христова намечено устроить просмотр полной версии документального фильма режиссера М. Л. Ордовского-Танаевского «Русский Корпус. Свидетельства» для всей русской колонии, тем более, что в Буэнос-Айресе живы и здравствуют участники и свидетели событий, о которых рассказывается в фильме, а также их потомки. Тоже намечается дружеская встреча всех разведчиц, участвовавших в ОРЮР, к столетнему юбилею.

Стоит напомнить, что доктор Пётр Георгиевич Лукин (на фотографии с неустанной труженицей Е. К. Ларионовой и знаменосцами, в день окончания учебного 2014-го года), проявил свою самоотверженность не только в плане русского национального общественного служения. В 1971 году две проживающие в Аргентине русские женщины — Серафима Павловна Рудова и Татьяна Алексеевна Плищенко — были застигнуты внезапным резким подъёмом воды, когда они купались в речке Анисакате, в провинции Кордоба, вблизи от лагеря ОРЮР. После бури, с гор понеслась водная масса, сметавшая всё на своём пути. Обе дамы с трудом удержались на большом камне посередине реки, но были уже в воде по грудь и в любой момент их могло смести. Мелководная речка превратилась в бурный поток. Не умеющая плавать Рудова вцепилась в г-жу Плищенко и стала кричать о помощи, но люди, находившиеся на берегу, не решались войти в речку. К счастью, на зов, из лагеря прибежали скауты, и двое из них, Николай и Петя Лукины, не колеблясь, хотя и рисковали своей жизнью, бросились в грозный поток и благополучно вывели могущих утонуть на берег. В «Нашей Стране» от 16 марта 1971 года, С. Рудова написала такие слова: «Глубокая благодарность ОРЮР, воспитавшей среди русских юношей примерную самоотверженность, рыцарское мужество, решительность, и персонально, скаутам Николаю и Петру Лукиным, спасших нам жизнь». Вот в каких руках находятся дети, которые учатся в субботней школе ОРЮР.

Н. Казанцев

**Исполнили ли Вы Ваш национальный долг? Записали
Ваших детей в русскую зарубежную школу?**

СОВЕТСКАЯ АРМИЯ - АРМИЯ НАСИЛЬНИКОВ И УБИЙЦ ВОТ ПРОТИВ КОГО ПОДНЯЛИ ОРУЖИЕ КОРПУСНИКИ, ВЛАСОВЦЫ И КАЗАКИ!

Леонид Николаевич Рабичев родился в 1923 году в Москве. Старший лейтенант запаса. В 1942 году окончил военное училище. С декабря 1942 года лейтенант, командир взвода 100-й отдельной армейской роты ВНОС при управлении 31-й армии. На Центральном, Третьем Белорусском и Первом Украинском фронтах участвовал в боевых действиях по занятию Ржева, Сычевки, Смоленска, Орши, Борисова, Минска, Лиды, Гродно, в боях в Восточной Пруссии от Гольдапа до Кенигсберга, в Силезии на Данцигском направлении участвовал во взятии городов Ле-венберг, Бунцлау, Хайльсберг и других, в Чехословакии дошел до Праги. Награжден двумя орденами "Отечественной войны" II степени, орденом «Красная Звезда», медалями. Член Союза Художников СССР с 1960 года, член Союза Писателей Москвы с 1993 года, автор тринадцати книг стихов, книги мемуаров. Вот отрывок из его книги «Война всё спишет. Воспоминания офицера-связиста 31-ой армии. 1941-1945»:

Да, это было пять месяцев назад, когда войска наши в Восточной Пруссии настигли эвакуирующееся из Гольдапа, Инстербурга и других оставляемых немецкой армией городов гражданское население. На повозках и машинах, пешком – старики, женщины, дети, большие патриархальные семьи медленно, по всем дорогам и магистралям страны уходили на запад.

Наши танкисты, пехотинцы, артиллеристы, связисты нагнали их, чтобы освободить путь, посбрасывали в кюветы на обочинах шоссе их повозки с мебелью, саквояжами, чемоданами, лошадьми, оттеснили в сторону стариков и детей и, позабыв о долге и чести и об отступающих без боя немецких подразделениях, тысячами набросились на женщин и девочек. Женщины, матери их дочери, лежат справа и слева вдоль шоссе, и перед каждой стоит гогочущая армада мужиков со спущенными штанами.

Обливающихся кровью и теряющих сознание оттаскивают в сторону, бросающихся на помощь им детей расстреливают. Гогот, рычание, смех, крики и стоны.

А их командиры, их майоры и полковники стоят на шоссе, кто посмеивается, а кто и дирижирует, нет, скорее регулирует. Это чтобы все их солдаты без исключения поучаствовали.

Нет, не круговая порука и вовсе не месть проклятым оккупантам этот адский смертельный групповой секс. Вседозволенность, безнаказанность, обезличенность и жестокая логика обезумевшей толпы.

Потрясенный, я сидел в кабине полутурки, шофер мой Демидов стоял в очереди, а мне мерещился Карфаген Флобера, и я понимал, что война далеко не всё спишет.

Полковник, тот, что только что дирижировал, не выдерживает и сам занимает очередь, а майор отстреливает свидетелей, бьющихся в истерике детей и стариков.

– Кончай! По машинам! А сзади уже следующее подразделение.

И опять остановка, и я не могу удержать своих связистов, которые тоже ужестановятся в новые очереди. У меня тошнота подступает к горлу.

До горизонта между гор тряпья, перевернутых повозок трупы женщин, стариков, детей. Шоссе освобождается для движения. Темнеет. Слева и справа немецкие фольварки. Получаем команду расположиться на ночлег.

Это часть штаба нашей армии: командующий артиллерией, ПВО, политотдел. Мне и моему взводу управления достается фольварк в двух километрах от шоссе.

Во всех комнатах трупы детей, стариков, изнасилованных и застреленных женщин. Мы так устали, что, не обращая на них внимания, ложимся на пол между ними и засыпаем.

Утром разворачиваем рацию, по РСБ связываемся с фронтом. Получаем указание наводить линии связи. Передовые части столкнулись, наконец, с занявшими оборону немецкими корпусами и дивизиями. Немцы больше не отступают, умирают, но не сдаются. Появляется

в воздухе их авиация. Боюсь ошибиться, мне кажется, что по жестокости, бескомпромиссности и количеству потерь с обеих сторон бои эти можно сравнить с боями под Сталинградом. Это вокруг и впереди.

Я не отхожу от телефонов. Получаю приказания, отдаю приказания. Только днём возникает время, чтобы вынести на двор трупы. Не помню, куда мы их выносили. На двор? В служебные пристройки? Не могу вспомнить куда, знаю, что ни разу мы их не хоронили. Похоронные команды, кажется, были, но это далеко в тылу. Итак, я помогаю выносить трупы. Замираю у стены дома. Весна, на земле первая зеленая трава, яркое горячее солнце. Дом наш островерхий, с флюгерами, в готическом стиле, крытый красной черепицей, вероятно, ему лет двести, двор, мощный каменными плитами, которым лет пятьсот. В Европе мы, в Европе!

Размечтался, и вдруг в распахнутые ворота входят две шестнадцатилетние девочки-немки. В глазах никакого страха, но жуткое беспокойство. Увидели меня, подбежали и, перебивая

друг друга, на немецком языке пытаются мне объяснить что-то. Хотя языка я не знаю, но слышу слова «мутер», «фатер», «брудер». Мне становится понятно, что в обстановке панического бегства они где-то потеряли свою семью.

Мне ужасно жалко их, я понимаю, что им надо из нашего штабного двора бежать куда глаза глядят и быстрее, и я говорю им: – Муттер, фатер, брудер – ни х! – и показываю пальцем на вторые дальние ворота – туда, мол. И подталкиваю их.

Тут они понимают меня, стремительно уходят, исчезают из поля зрения, и я с облегчением вздыхаю – хоть двух девочек спас, и направляюсь на второй этаж к своим телефонам, внимательно слежу за передвижением частей, но не проходит и двадцати минут, как до меня со двора доносятся какие-то крики, вопли, смех, мат. Бросаюсь к окну.

На ступеньках дома стоит майор А., а два сержанта вывернули руки, согнули в три погребели тех самых двух девочек, а напротив – вся штабмаршейская обслуга – шофера, ординарцы, писари, посыльные. – Николаев, Сидоров, Харитонов, Пименов... – командует майор А. – Взять девочек за руки и ноги, юбки и блузки долой! В две шеренги становись! Ремни расстегнуть, штаны и кальсоны спустить! Справа и слева, по одному, начинай!

А. командует, а по лестнице из дома бегут и подстраиваются в шеренги мои связисты, мой взвод. А две «спасенные» мной девочки лежат на древних каменных плитах, руки в тисках, рты забиты косынками, ноги раздвинуты – они уже не пытаются вырваться из рук четырех сержантов, а пятый срывает и рвет на части их блузочки, лифчики, юбки, штанишки.

Выбежали из дома мои телефонистки – смех и мат. А шеренги не уменьшаются, поднимаются одни, спускаются другие, а вокруг мучениц уже лужи крови, а шеренгам, гоготу и мату нет конца. Девчонки уже без сознания, а оргия продолжается.

Гордо подбоченясь, командует майор А. Но вот поднимается последний, и на два полутрупа набрасываются палачи-сержанты. Майор А. вытаскивает из кобуры наган и стреляет в окровавленные рты мучениц, и сержанты тащат их изуродованные тела в свинарник, и голодные свиньи начинают отрывать у них уши, носы, груди, и через несколько минут от них остаются только два черепа, кости, позвонки.

Мне страшно, отвратительно. Внезапно к горлу подкапывает тошнота, и меня выворачивает наизнанку.

Майор А. – Боже, какой подлец! Я не могу работать, выбегаю из дома, не разбирая дороги, иду куда-то, возвращаюсь, я не могу, я должен заглянуть в свинарник. Передо мной налитые кровью свиные глаза, а среди соломы, свиного помета два черепа, челюсть, несколько позвонков и костей и два золотых крестика – две «спасенные» мной девочки.

М. М. Спасовский

(К 125-летию со дня рождения)

Щемящее предчувствие будущего текста возникает с принятием в себя чужой боли. Чуть ослабли запоры, открылась на мгновение душа – и вот уже зов ее обречен на интуитивные странствия в поисках отклика. Но случится ли диалог во вселенском многоголосье? Более двадцати лет назад опубликовала русская газета «Наша Страна», выходящая в Буэнос-Айресе, отрывок из письма В. К. Дубровскому-Левашову, в котором Спасовскому всего лишь на одно предложение изменила защитная эмоциональная сдержанность: «Безумно хочется домой, а дома нет...».

Весточка в Аргентину с острова Формоза, короткий – среди деловых строк – всхлип отчаянья из далекого 1952-го... Начало моей «болезни» Михаилом Михайловичем Спасовским, когда с гнетущей очевидностью стало ясно, что я буду писать о нем...

Однако одно дело – сердечное соучастие, душевное вслушивание в шаги русского скитальца минувшего века по трагическим тропам эмиграции, другое – поиск конкретных фактов, документов, свидетельств, дело сложное само по себе, а в условиях работы в провинциальном вузе едва ли не безнадежное...

Не о «лаврах первооткрывателя» речь – имя Спасовского встречается в научной литературе по эмиграции и не только, в тематических энциклопедиях ему посвящены специальные главки...

Всё так, однако конспективная скороговорка словарных статей – словно отчужденное тире между датами рождения и ухода из земного мира, – бытие, явленное пунктуационными знаком... Есть некоторые факты, события, названия книг, но нет или крайне мало собственно означаемого – той

жизни, уникальной, неповторимой, когда на седьмом десятке лет тоскливо выдыхается: «Безумно хочется домой, а дома нет...».

С большим сожалением вынуждены констатировать, что при описании в настоящую время биографии Михаила Михайловича Спасовского не обойтись без более или менее вероятностных предположений с известными маркерами «видимо», «возможно», «не исключено» и т.п.

Дело вовсе не в «недобросовестности» исследователя, хотя и утверждать, что использованы все возможности для поиска недостающих сведений было бы опрометчиво...

Конечно, «сибирская» удаленность автора от крупнейших библиотек и архивохранилищ не могла не сказаться на информативной насыщенности текста, однако полагаю, что вводимые предлагаемой публикацией в научный оборот некоторые новые сведения – та основа, которая в дальнейшем может быть лишь дополнена немногими счастливо открывшимися фрагментами...

Примем как данность и очевидную скудость источниковой базы, и – увы! – неадекватность конечного результата в общекультурном смысле тем значительным усилиям, что необходимы для выявления или подтверждения того или иного эпизода биографии.

Однако среди многочисленных лакун и неясностей, коими изобилует биография Спасовского в ее нынешнем виде, есть и немало бесспорных сведений, которые не позволят нашим предположениям удалиться от истины недопустимо далеко.

Проф. В. А. Возчиков - Бийск
(Из труда о М. М. Спасовском)